

УДК 008+821.161.1

DOI: 10.34670/AR.2020.80.37.011

Дурак как нравственная мера: персонажи комедии «Горе от ума» в свете фольклора**Житова Дарина Евгеньевна**

Магистрант,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
295007, Российская Федерация, Симферополь,
просп. Академика Вернадского, 4;
e-mail: jitova_darina@mail.ru

Аннотация

Неприятие идей эпохи Просвещения и формирующейся под их влиянием системы образования подвигло А.С. Грибоедова к поиску в христианском наставлении, средневековых летописях и фольклоре сообразных русской культуре ориентиров для воспитания и обучения. Ход этих поисков отражен не только в заметках и письмах дипломата, но и в его художественном творчестве. В данной статье комедия «Горе от ума» рассмотрена сквозь призму архетипов и мифопоэтической схемы волшебных сказок о дураке. Обоснована положительная оценка дурака и его стратегий поведения с точки зрения народной культуры. В результате интерпретации характеров и поведения персонажей с позиций фольклорного материала показана ущербность поступков, основанных на энциклопедическом образовании, практическом уме или чувственной интуиции. Нравственные качества дурака и его послушность провидению, приводящие к положительному разрешению конфликтов в волшебных сказках, выступают камертоном всей комедии. Особое внимание уделено фигуре Чацкого, который, с одной стороны, наиболее близок к архетипической фигуре дурака, а с другой – лишен таких ключевых для образа качеств, как способность к сочувствию, нацеленность на активное преобразование мира, «чудотворство». В связи с этим Чацкий может быть представлен как «ложный дурак», образ которого демонстрирует несообразность европейского просвещения русской культуре. Таким образом раскрываются дополнительные дидактические стороны пьесы, читателя ориентируют на самостоятельный поиск оснований для устройства жизни отдельного человека и общества в целом.

Для цитирования в научных исследованиях

Житова Д.Е. Дурак как нравственная мера: персонажи комедии «Горе от ума» в свете фольклора // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 5А. С. 101-110. DOI: 10.34670/AR.2020.80.37.011

Ключевые слова

Грибоедов, «Горе от ума», Иван-дурак, фольклор, архетип, Чацкий.

Введение

Многочисленное обращение Грибоедова к фольклору с давних пор занимает отечественных исследователей. Зачастую оно объясняется поиском национальной идентичности, который начался под впечатлением от подвига русского народа в борьбе с Наполеоном [Фомичев, 1977, 19]. Фольклор рассматривают на уровне отдельных концептов и афоризмов¹, стилистики речи. В.П. Аникин сопоставляет крылатые слова Грибоедова с фольклором, исследует отказ от романтического языка в пользу органичного его герою². И.Л. Багратион-Мухранели также изучает афоризмы грибоедовской комедии, делая вывод о том, что они построены по аналогии с пословицами. Она объясняет обращение к фольклору стремлением создать новый общенациональный миф³.

Исследований, посвященных использованию Грибоедовым фольклора на иных уровнях, немного. М.Ч. Ларионова и Ю.Ю. Постникова описывают реинтерпретацию поэтом традиционных мотивов и образов сна невесты (и как ритуала, и как вербального текста)⁴. М.Ю. Перзек и А.Б. Перзек изучают сюжет комедии и ее персонажей на уровне фольклорно-мифологической семантики, доказывают их соответствие фольклорных архетипам⁵. Цель обращения к фольклору исследователями не объяснена.

Мы предполагаем, что народное творчество оказалось значимо для Грибоедова в связи с дидактическим потенциалом и культуросообразными нравственными ориентирами.

Научная новизна исследования обусловлена отсутствием в отечественной науке работ, затрагивающих дидактический аспект использования Грибоедовым фольклорного материала в целом и в «Горе от ума» в частности. *Цель* – определить дидактический аспект использования мифопоэтической схемы о дураке в комедии «Горе от ума».

Проблема образования в житетворчестве А.С. Грибоедова

Проблема образования всерьез занимала Грибоедова: в его произведениях затрагиваются темы ума, знания, книги и воспитания; присутствуют «ученые» персонажи. В современной Александру Сергеевичу России под воздействием идеалов Просвещения формировалась система энциклопедического образования. Основанная на вере в разум, она делала упор на практическом применении знаний и преимущественно сводилась к штудированию естественных наук, проведению экспериментов. Богословские дисциплины, сосредоточенные на нематериальных иррациональных ценностях, оказались вне программы высших учебных

¹ См., например: Пиксанов Н.К. Творческая история «Горя от ума». М.: Наука, 1971. С. 164.

² См.: Аникин В.П. Грибоедовские крылатые слова в сопоставлении с фольклором // *Studia polonoslavica: к 90-летию со дня рождения Е.З. Цыбенко*. М., 2014. С. 243-249.

³ См.: Багратион-Мухранели И.Л. Традиции фольклора в русской комедии начала XIX и начала XX века. Грибоедов. Эрдман // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 7. С. 7-11.

⁴ См.: Ларионова М.Ч., Постникова Ю.Ю. Мотивы и образы фольклорного «сна невесты» в комедии «Горе от ума» // *Материалы международной научно-практической конференции «А.С. Грибоедов: русская и национальные литературы»*. Ереван, 2015. С. 462-467.

⁵ См.: Перзек А.Б., Перзек М.Ю. Фольклорно-мифологические смыслы комедии «Горе от ума» // *Успехи гуманитарных наук*. 2019. № 3. С. 225-233; Перзек М.Ю., Перзек А.Б. Семантика «иног царства» в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» // *Материалы международной научно-практической конференции «А.С. Грибоедов: русская и национальные литературы»*. Ереван, 2015. С. 538-553.

заведений. Отчасти это стало следствием утилитарного разграничения профессионального и церковного образований, совершенного еще Петром I и закрепленного впоследствии Екатериной II [Андреев, 2018, 368-369].

Между тем для русской культуры религиозные ценности были основой национальной идентичности. Энциклопедическое образование мотивировало человека думать о разумном переустройстве общества, но не о спасении души; об упрощении производственных процессов, но не о прощении обидчиков. Такое образование Грибоедов полагал опасным: продуктом его становился человек с научными познаниями, но мало знакомый с христианскими понятиями нравственности и долга, добродетели. По мнению писателя-дипломата, лучшие таланты таких людей бесполезны, ведь из-за ценностей, не соответствующих российской культурной среде, они не могли применить их во благо ближнему и обществу, отечеству. Такая позиция отчасти обусловлена жизненным опытом Грибоедова. Собственное великолепное образование не уберегло его от участия в дуэли четырех, о котором писатель жалел вплоть до своей гибели. В смерти Шереметева он винил себя больше, чем его убийца Завадовский [Минчик, 2020].

Поэтому автор «Горя от ума» искал культуросообразные ценности и ориентиры для образования, хотел указать на них реципиентам своего творчества. Источников, исконно относящихся к культуре России, было несколько. На два из них, Библию и древнерусскую книжность, указывает профессор Т.И. Радомская⁶. Мы рассмотрим фольклор, также обладающий ярким дидактическим аспектом. Особо примечательно устное народное творчество темами ума, разума, глупости и безумия, разумного и неразумного поведения, а также их разнообразными интерпретациями.

Фольклорный дурак и коды отечественной культуры

Русские фольклорные тексты содержат три модели поведения дурака: мифологическую (образ героя в волшебной сказке), нравственную (образ шута, или юродивого, обличающего пороки и социальную несправедливость), бытовую (образ глупого человека) [Бусурина, 2004, 14]. Наиболее семантически нагруженной из обозначенных является первая, она полно воплощена в образе Ивана-Дурака (и менее известных – Емели, Василия, Шиша).

Иван-Дурак – стереотипный персонаж волшебных сказок. Он, как правило, обладает низким социальным статусом: или является самым младшим сыном, не имеющим права наследовать большую часть имущества и земель отца, или единственным сыном бедных и немощных старика и старухи. Подобное положение указывает не только на оторванность героя от культурной традиции и его маргинальный статус в социальной иерархии, но и отсутствие общепринятых способов переменить свое положение к лучшему. Его действия алогичны, он «воплощает... стратегию, исходящую не из стандартных постулатов практического разума, но опирающегося на поиск собственных решений, часто противоречащих здравому смыслу, но в конечном счете приносящих успех» [Иванов, Топоров, 1991, 225].

Часто дурак неуклюж, неряшлив, ленив, прожорлив и склонен к пьянству. Эти пороки – следствие близкого родства Ивана-дурака с персонажами архаических мифов: первопредками и культурными героями. Е.М. Мелетинский указывает, что в них еще не разделены сила, ум,

⁶ См.: Радомская Т.И. Проблемы книги, ума и знания в творческом мире А.С. Грибоедова // Литература в школе. 2007. № 10. С. 11-14.

хитрость колдовское знание и воинская доблесть: такой герой может выступать «и как архаический богатырь, который уничтожает чудовищ... и как комический хитрец-трикстер» [Мелетинский, 1986, 22]. Такие герои амбивалентны: они совмещают богатырскую доблесть и провидение шамана с плутовством трикстера, их проделки направлены на удовлетворение жадности, похоти, чревоугодия.

Десакрализация превращает миф в сказку, но сказочные герои сохраняют мифические черты. Одна из таковых – осколок трикстера – наиболее характерна для Ивана-Дурака (немотивированное нарушение норм и пренебрежение здравым смыслом, что воспринимается окружающими как проявление глупости). Но семантика «дурацкого» поведения вариативна: место бытовой глупости может уступать сакральное безумие.

Согласно Ю.М. Лотману, образы дурака и безумца противоположны: дурак выполняет стереотипные действия в неподходящих ситуациях, а безумец действует вне стереотипов и норм. Дурак лишен преимущества перед «нормальными» героями, безумец обладает дополнительной свободой и большими возможностями для действия [Лотман, 2000, 42-62]. Объединение этих моделей поведения в одном персонаже – остатки синкретизма, наследованные Иваном-Дураком от первых фольклорных героев.

В это наследие входит и устойчивая связь Ивана с образом жреца, на которую указывают В.В. Иванов и В.Н. Топоров, основываясь на «теории трех функций» Ж. Дюмезиля: его речь поэтична; он занимается тем, чем занимались служители древнейших культов, – загадывает и отгадывает загадки, выполняет алогичные символические действия; во многих сказках дурак взаимодействует с волшебными предметами и животными, что соответствует общению шамана с иным миром, миром духов [Иванов, Топоров, 1991, 226].

В сказках о дураке присутствует амбивалентность ценностных ориентиров русской культуры по отношению к разуму: ум может быть не главным условием успешного взаимодействия с окружающим миром, важны открытость и чуткость по отношению к обстоятельствам, наличие интуиции, творческого мышления. Эти ориентиры запечатлены и фразеологическим фондом: «дурак, и в бочке сидя, волка за хвост поймал», «думать хорошо, а отгадать и того лучше», «дума что борода: лишняя тягота» и т. д. [Осенчук, 2002, 65]. Несмотря на позитивные коннотации, в современной наивной языковой картине мира преобладает негативное отношение к концепту «дурак» [Леонтьева, 2008]. Характерны коннотации слова «дурак» не только с бесполезностью (в Толковом словаре В.И. Даля – «рассада без сердцевины...»; «дурнина» – «негодная для корму трава»), но и с отсутствием способов борьбы с испорченностью («от черта крестом, от медведя пестом, а от дурака ничем»; «пьяный проспится, а дурак никогда») [Даль, 1880, т. 1, 516-517].

Древнерусская культура формирует третью модель интерпретации дурака, указывает на ценность алогичной, непрактичной доброты и отсутствия гордыни. Такой герой лишен гордыни и послушен провидению. Он идет, куда его несут ноги, делает то, что ему скажут, и т. д., из-за чего Богу легко направлять его. Ему свойственна хоть и выборочная, но доброта, граничащая с юродством. Логика, которой руководствуется герой, – это не практическая логика тварного мира, а логика Царства Божьего. Иван-Дурак оказывается фольклорным аналогом юродивого Христа ради [Синявский, 2001; Федотов, 1990, www].

В сказках о дураках присутствует множество мифопоэтических схем, однако нас интересует лишь та из них, в которой герой-дурак одерживает победу над умными героями. Ими могут быть старшие братья, их жены, купец, царь, богатыри, заморская царевна, Баба Яга. Победа становится возможной благодаря качествам характера. Дурак из сказки «Сивко-бурко» получает

преимущество перед братьями, поскольку ночует вместо них на могиле отца и покойник вознаграждает его за смелость, послушание и любовь к родителям [Народные русские сказки..., 1985, т. 2, 5-10]. Герой из сказки «Иван крестьянский сын и мужичок сам с перст, усы на семь верст» побеждает благодаря смелости и послушанию, но ему свойственны и остроумие, хитрость, благородство и доброта [Там же, 1984, т. 1, 232-235]. Простак из сказки «Дурак и береза» открыт миру и послушен Божьей воле, которая в итоге направляет его к богатству [Там же, 1985, т. 3, 128-129]. Фольклор не дает одну стратегию поведения, но предлагает набор качеств, каждое из которых возвышает человека.

Персонажи «Горя от ума» в свете фольклорных представлений о дураке

Если обратиться к бытовой трактовке ума, предполагающей житейскую смекалку [Хлыбова, 2010], можно обнаружить, что ключевые персонажи, за исключением Чацкого, умны. Представление Фамусова о «разумной» жизни связано с умением разбогатеть и занять в обществе высокое положение (посредством удачной женитьбы и продвижения по карьерной лестнице), передать это в качестве наследия детям [Грибоедов, 1995, т. 1, 35-36]. При всех нравственных изъянах он ведет себя в присутствии других в полном соответствии с ценностно-нормативными установками московского света. Его образ можно соотнести с образом алчного царя, отправляющего Дурака раздобыть для него жену, волшебное существо или волшебный предмет. После смерти супруги он самостоятельно воспитал дочь: Софья образованна, приятна в общении, обладает хорошими манерами (неконвенциональные храбрость, прямолинейность и пылкость – заслуга французских романов). Он готовит для нее в женихи «метящего в генералы». Кроме того, Фамусов хорошо справляется со службой и домашними хлопотами, увеличивает состояние и улучшает положение в обществе.

Последнее справедливо и для Молчалина. Его практический разум дополнен эмоциональным – способностью распознавать эмоции, понимать намерения и желания окружающих, и он также используется для угождения. В изображении любви к Софье он раскрыт как наблюдательный человек, блестящий имитатор. Молчание – его главный инструмент достижения целей. Он подстраивается под идеал наследницы Фамусова, основанный на героях французских романов: ведет себя кротко и скромно, его жесты подчеркнута сентиментальны. Его имитация правдоподобна: даже Чацкий выражает сомнения не в его чувствах, а в его способности любить как таковой. Но Молчалин не дальновиден: его ухаживания за Софьей не имеют никакой цели кроме угождения, при том что это ставит под угрозу его карьеру. Он грамотен и хорошо справляется со своими служебными обязанностями, не чужд ему и интерес к искусству, музыке. Молчалин больше похож на умного брата или царского слугу, враждебного Дураку.

Поведение Софьи не соответствует практическим постулатам фольклорного разума, но приближено к шиллеровскому идеалу «прекрасной души» – гармоничного соединения чувственного и разумного начал. Так, в героине, с одной стороны, воплощен «разум сердца», чувственная интуиция. Она ценит свои эмоции, полагается на них, не боится открыто их выражать и отстаивать на них право. С другой стороны, у нее присутствуют и рациональные рассуждения, например, касающиеся выбора надежного супруга («...эдакий ли ум семейство осчастливит?») [Там же, 65]). Ее мировоззрение строится на французских романах, проклинаемых московской консервативной публикой. Ее образ подобен злой заморской

царевне, с которой Дурак состязается в хитрости, выполняя ее задания и отгадывая загадки. Она может обернуться ласковой и доброй женой, стоит лишь Ивану ударить ее прутом и снять с нее заклятье.

Особое положение с точки зрения фольклорных представлений о разуме занимает фигура Лизаньки. Ее персонаж сочетает в себе черты традиционного французского амплуа субретки и русской дворовой девушки. Образ субретки в русскую драматургию перенесла Екатерина II [История..., 1982, 134]. Зародившись в площадном театре дель арте, субретка воплощала народную мудрость, автор доверял ей заключительные слова, но на русской сцене она выглядела нелепо: такая служанка был чужда русской действительности [Вольперт, 2010, 177]. Лиза в пьесе Грибоедова воплощает собой здравый смысл и сметливость. Она противоречит Софье и с неохотой выполняет ее приказания; в конце оказывается жестоко наказана. Эти перемены в поведении и судьбе отличны от традиционной «счастливой» интерпретации персонажа. Образ ее двойок: она может быть как аналогом чудесного помощника, благоволящего Дураку, так и нейтральной к нему фигурой служанки царевны или швеи.

Хотя наличие бытового ума у персонажей очевидно, ни один из них не употребляет свои способности для добрых дел. Фамусов руководствуется исключительно практической выгодой, не принимая во внимание желания и взгляды дочери, ее склонности и идеалы. Сама Софья, обладающая большим потенциалом, не использует его по назначению. Она эгоистична в своей влюбленности: рискует своей, а значит и отца, репутацией, рискует положением Лизы и Молчалина. Она предает свою искренность, опускаясь до распространения сплетен о Чацком.

Чацкий ведет себя как дурак, впоследствии – как сумасшедший. Он поступает вопреки культурным нормам московского света, не стремится занять положение в обществе. В глазах других он выглядит дураком в бытовом смысле, как и некоторые упоминаемые персонажи, слишком увлекшиеся чтением книг и наукой. По мере роста «безнравственности» речей Чацкого, окружающие все более убеждаются в безумии, действуя в полном согласии с наблюдениями М. Фуко⁷.

Но Чацкого можно рассмотреть с позиций мифологической модели. Есть значимые качества дурака, которых нет у главного героя «Горя от ума». Во-первых, границы эмпатии у безумца как в фольклоре, так и в русской классической литературе расширены. Они охватывают не только ближайшее окружение героя, но и чуждых ему существ, не разделяющих его убеждения, не являющихся представителями его культуры, социального класса, вероисповедания, гендера и даже биологического вида. Наблюдение В.И. Тюпы объясняет этот феномен: безумие видится и как игнорирование границ между внешним субъективным миром человека и внешним миром других [Тюпа, 2019]. Дурак способен сочувствовать и неодушевленному предмету: в одной из сказок он надевает горшки на пни, чтобы те не «замерзли без шапок». В русской классической литературе дураки сопереживают врагам. Дураки – те, кто действительно возлюбил ближнего своего, причем решают они, кто же является их ближним, по-разному. Фольклорные дураки руководствуются лишь им одним ведомой логикой, литературные – принципом, изложенным Антонием Сурожским: «Ты ближний тому, кто в тебе нуждается» [Сурожский, 2006, 98]. Чацкий некоторых аспектов эмпатии лишен. Ему жаль далеких от него крестьян, однако эмоции окружающих его людей он не понимает. Как справедливо отмечает Ю.В. Лебедев, Александр Андреевич крайне глух даже к любимой девушке [Лебедев, 2013]. К Фамусову он холоден, хотя

⁷ См.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010. 698 с.

тот является его воспитателем и другом отца, хозяином принимающего дома, наконец, предполагаемым тестем. К Молчалину и Скалозубу он изначально враждебен.

Во-вторых, что особенно справедливо для классической литературы, любовь дурака деятельна. Его жизнь посвящена служению людям словом и делом. Чацкий же не является актором: помыслы его благородны, но фактически не приводят к характерным для дураков подвигам.

В-третьих, чудаки являются «чудотворцами»: им удается деятельно преобразить окружающую их реальность в лучшую сторону, а из всех ситуаций они выходят победителями. Грибоедовский герой же не добивается ничего хорошего ни для себя, ни для других и в итоге прибегает к полудобровольному изгнанию.

С этой позиции Чацкий является ложным дураком, введенным автором для подчеркивания разницы между сакральным безумием и его имитацией.

Заключение

Анализ комедии «Горе от ума» позволяет сделать следующий вывод. Архетипический образ дурака в фольклоре – часть кода российской культуры, который имплицитно и эксплицитно вступает в диалог с текстами о сущности ума. Нравственные качества, чуткая интуиция и послушность провидению приводят дурака к победе над умными персонажами. Комедия Грибоедова согласуется с фольклорным материалом на глубинном уровне, делая явным его дидактический потенциал и показывая читателям, что стратегии поведения, основанные на энциклопедическом образовании, не ведут к благополучному разрешению проблем в русской культуре. Ключевые герои бессмертной комедии обладают энциклопедическим образованием (как Чацкий), практичным умом (как Молчалин и Фамусов), чувственной интуицией (как Софья), однако терпят поражение.

Сцены под лестницей, за которой последовала трагическая для всех ее участников развязка, не произошло бы, прояви хоть один из них качество, присущее дураку. У конфликта интересов в «Горе от ума» множество путей решения, каждый ключевой персонаж в силах выбрать стратегию, которая спасет от неблагоприятного финала его и остальных. Если бы Софья была послушной дочерью, она бы выбрала другого, более знатного и богатого жениха, желая угодить отцу, и не оказалась опозорена. Она также могла бы быть смелее и честнее с Чацким, вынудив его отказаться от нее окончательно и покинуть дом Фамусовых до начала бала. Или же она могла бы поступить благородно и не распространять слухи о его безумии, из-за чего вечер сложился бы иначе, и не было бы тех унижительных мгновений под лестницей. Она могла бы быть внимательнее к Молчалину и заметить, что он не влюблен, а лишь учтиво робок с ней. В ее случае истинной заботой о возлюбленном было бы спокойное расставание с ним. Наконец, она могла бы быть хитрее и тщательнее скрывать свои отношения с секретарем. Такой широкий выбор из хитрости, смелости, доброты, благородства и иных «дурацких» качеств был и у остальных героев. Привлекая мифопоэтическую схему, Грибоедов указывает читателям стратегии, способные привести их к успеху, однако не ограничивается лишь одной из них, чтоб каждый мог выбрать ту, что соответствует его личности и жизни.

В образе Чацкого как ложного Дурака автор раскрывает чуждость идеалов эпохи Просвещения русской культуре, изобличает носителей модного энциклопедического образования, не способных сделать счастливыми ни себя, ни ближних, ни общество.

Библиография

1. Андреев А.Ю. Университетская традиция в Российской империи: исторический опыт // Теология и образование. 2018. № 1. С. 366-377.
2. Бусурина Е.В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 24 с.
3. Вольперт Л.И. Пушкинская Франция. Тарту, 2010. 570 с.
4. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1. 352 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1880. Т. 1. 723 с.
6. Иванов В.В., Топоров В.Н. Иван-дурак // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 225-226.
7. История русской драматургии, XVII – первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. 352 с.
8. Лебедев Ю.В. Самонадеянный ум и самовлюбленное сердце в комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова // Литература в школе. 2013. № 9. С. 2-7.
9. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург: РГППУ, 2008. 280 с.
10. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
11. Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. 318 с.
12. Минчик С.С. Грибоедоведческий материал в неизвестных письмах А.П. Завадовского П.А. Вяземскому // *Studia litterarum*. 2020. Т. 5. № 1. С. 288-307.
13. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. 1.
14. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 2.
15. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 3.
16. Осенчук А.Е. Концепт «дурак» в русской языковой картине мира // Вестник Витебского государственного университета. 2002. № 4. С. 63-67.
17. Синявский А.Д. Иван-дурак: очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001. 464 с.
18. Сурожский А. Человек перед Богом. М.: Практика, 2006. 348 с.
19. Тюпа В.И. Пограничные состояния в литературном нарративе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 2. С. 10-18.
20. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. URL: <http://ligis.ru/librari/1327.htm>
21. Фомичев С.А. Автор «Горя от ума» и читатели комедии // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л.: Наука, 1977. С. 5-27.
22. Хлыбова Т.В. Понятия «ум», «разум», «мудрость» в русском фольклоре // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. № 1. С. 17-36.

The fool as a moral criterion: the characters of the comedy *Woe from Wit* from the perspective of folklore

Darina E. Zhitova

Master's Degree Student,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
295007, 4 Akademika Vernadskogo av., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: jitova_darina@mail.ru

Abstract

The rejection of the ideas of the Enlightenment and the education system that was formed under their influence prompted A.S. Griboyedov to search for guidelines for education and training consistent with Russian culture in Christian instruction, medieval annals and folklore. The progress of these searches had an impact not only on the notes and letters of the diplomat, but also on his artistic work. The article examines the comedy "Woe from Wit" through the prism of archetypes and the mythopoetic scheme of fairy tales about a fool and deals with the rationalisation for the

positive assessment of the fool and his strategies of behaviour from the perspective of folk culture. The results of the interpretation of the personality and behaviour of the characters from the standpoint of folklore material show the inferiority of actions based on encyclopedic education, practical mind or sensory intuition. The moral qualities of the fool and his obedience to providence, leading to a positive resolution of conflicts in fairy tales, act as a tuning fork for the entire comedy. Particular attention is paid to Chatsky, who, on the one hand, is closest to the archetypal figure of a fool, and on the other hand, is deprived of such key qualities of the character as the ability to sympathy, the focus on active transformation of the world, “miracles”. In this regard, Chatsky can be presented as a “false fool”, whose image demonstrates the incongruity of the European enlightenment with Russian culture. Thus, folklore reveals additional didactic aspects of the play and orients the reader to an independent search for the foundations for the organisation of the life of an individual and society as a whole.

For citation

Zhitova D.E. (2020) Durak kak npravstvennaya mera: personazhi komedii «Gore ot uma» v svete fol'klora [The fool as a moral criterion: the characters of the comedy *Woe from Wit* from the perspective of folklore]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (5A), pp. 101-110. DOI: 10.34670/AR.2020.80.37.011

Keywords

Griboedov, *Woe from Wit*, Ivan the Fool, folklore, archetype, Chatsky.

References

1. Andreev A.Yu. (2018) Universitetskaya traditsiya v Rossiiskoi imperii: istoricheskii opyt [University tradition in the Russian Empire: Historical experience]. *Teologiya i obrazovanie* [Theology and education], 1, pp. 366-377.
2. Busurina E.V. (2004) *Lingvokul'turema “durak” v russkoi yazykovoii kartine mira. Doct. Diss. Abstract* [The linguocultureme “fool” in the Russian linguistic worldview. Doct. Diss. Abstract]. St. Petersburg.
3. Dal' V.I. (1880) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language], Vol. 1. Moscow.
4. Fedotov G.P. (1990) *Svyatyie Drevnei Rusi* [The saints of Ancient Rus]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ. Available at: <http://ligis.ru/librari/1327.htm> [Accessed 21/08/20].
5. Fomichev S.A. (1977) Avtor “Gorya ot uma” i chitateli komedii [The author of the comedy “Woe from Wit” and its readers]. In: A.S. Griboedov. *Tvorchestvo. Biografiya. Traditsii* [A.S. Griboedov. Works. Biography. Traditions]. Leningrad: Nauka Publ., pp. 5-27.
6. Griboedov A.S. (1995) *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t.* [Complete works: in 3 vols.], Vol. 1. St. Petersburg: Notabene Publ.
7. *Istoriya russkoi dramaturgii, XVII – pervaya polovina XIX veka* [The history of Russian drama, from the 17th century to the first half of the 19th century] (1982). Leningrad: Nauka Publ.
8. Ivanov V.V., Toporov V.N. (1991) Ivan-durak [Ivan the Fool]. In: *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 225-226.
9. Khlybova T.V. (2010) Ponyatiya “um”, “razum”, “mudrost” v russkom fol'klоре [The concepts “mind”, “reason”, “wisdom” in Russian folklore]. *Problemy filologii: yazyk i literatura* [Problems of philology: language and literature], 1, pp. 17-36.
10. Lebedev Yu.V. (2013) Samonadeyannii um i samovlyublennoe serdtse v komedii “Gore ot uma” A.S. Griboedova [Arrogant mind and narcissistic heart in the comedy “Woe from Wit” by A.S. Griboedov]. *Literatura v shkole* [Literature at school], 9, pp. 2-7.
11. Leont'eva T.V. (2008) *Intellekt cheloveka v russkoi yazykovoii kartine mira* [Human intelligence in the Russian linguistic worldview]. Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University.
12. Lotman Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ.
13. Meletinskii E.M. (1986) *Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [An introduction to the historical poetics of the epic and the novel]. Moscow: Nauka Publ.
14. Minchik S.S. (2020) Griboedovedcheskii material v neizvestnykh pis'makh A.P. Zavadovskogo P.A. Vyazemskomu

-
- [The material that can be used in the research on Griboyedov in unknown letters from A.P. Zavadovsky to P.A. Vyazemsky]. *Studia litterarum*, 5 (1), pp. 288-307.
15. *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: v 3 t.* [Russian folk fairy tales by A.N. Afanasyev: in 3 vols.] (1984), Vol. 1. Moscow: Nauka Publ.
 16. *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: v 3 t.* [Russian folk fairy tales by A.N. Afanasyev: in 3 vols.] (1985), Vol. 2. Moscow: Nauka Publ.
 17. *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: v 3 t.* [Russian folk fairy tales by A.N. Afanasyev: in 3 vols.] (1985), Vol. 3. Moscow: Nauka Publ.
 18. Osenchuk A.E. (2002) Kontsept "durak" v russkoi yazykovoï kartine mira [The concept "fool" in the Russian linguistic worldview]. *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vitebsk State University], 4, pp. 63-67.
 19. Sinyavskii A.D. (2001) *Ivan-durak: ocherk russkoi narodnoi very* [Ivan the Fool: an outline of the Russian folk faith]. Moscow: Agraf Publ.
 20. Surozhskii A. (2006) *Chelovek pered Bogom* [Man before God]. Moscow: Praktika Publ.
 21. Tyupa V.I. (2019) Pogranichnye sostoyaniya v literaturnom narrative [Borderline states in the literary narrative]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary studies. Linguistics. Cultural studies], 2, pp. 10-18.
 22. Volpert L.I. (2010) *Pushkinskaya Frantsiya* [The France of Pushkin]. Tartu.
-